

УДК 81.411.2-3
ББК 4Р-3

*А. А. Чепуренко¹,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
chepurenkoaa@cspu.ru*

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С СЕМАНТИКОЙ ПРОСТРАНСТВА)**

Статья посвящена описанию русских обстоятельственных фразеологизмов со значением пространства в лингвокультурологическом аспекте. Автор исследует, с одной стороны, общекультурные, универсальные признаки этих единиц (в частности антропоцентричность), с другой стороны – их возможности в создании неповторимого фразеологического образа пространства, отражающего ментальные особенности русского народа.

Ключевые слова: лингвокультурология, фразеология, обстоятельственный фразеологизм, пространственная семантика, антропоцентричность, лингвокультурологический потенциал

Проблема языка и культуры владеет умами философов, лингвистов, культурологов, начиная с XIX века. Язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры (К. Леви-Строс), специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов (В. А. Маслова), система семиотической репрезентации культурных ценностей (Н. Ф. Алефиренко). Однако «различные уровни языка и принадлежащие им единицы обладают разной степенью культурной «насыщенности» и культурной обусловленности» [4, 141].

Общим местом многих современных исследований является утверждение, что наибольшим лингвокультурологическим потенциалом обладает фразеологический уровень языковой системы. И с этим невозможно не согласиться, поскольку фразеологизмы, по выражению В. Н. Телия, представляют собой «наиболее насыщенные культурными смыслами единицы языка» [2, 6]. В этом отношении очень показательны обстоятельственные

¹ Чепуренко Анна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и методики обучения русскому языку и литературе, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

фразеологизмы с пространственной семантикой, функционирующие в современном русском языке.

В любом языке, как справедливо считает В. А. Маслова, «закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный» [6, 64–65], поэтому закономерно, что образ пространства, создаваемый русскими фразеологическими единицами, обладает, с одной стороны, универсальными свойствами, характерными для разных культур, а с другой – специфическими национально-культурными признаками.

Одним из общекультурных признаков фразеологического образа пространства является антропоцентричность. Во всех культурах человек, выстраивая картину мира в своем сознании и отражая ее в языке, «идет от себя», ставит себя в центр этой картины, становится «мерой всех вещей». Так, значительная часть пространственных фразеологизмов русского языка содержит в качестве компонентов существительные, обозначающие части тела человека: *в ногах, в головах, под мышкой, по левой руке, по правой руке, за спиной, за плечами, на глазах, под боком, под носом, под рукой, рукой подать, бок о бок, лицом к лицу, лоб в лоб, локоть к локтю, нос к носу, плечом к плечу, куда глаза глядят* и др. Фразеологический образ, создаваемый при помощи компонентов-соматизмов, по мнению авторов Большого фразеологического словаря русского языка, «соотносится с телесным и пространственным кодами культуры, т. е. тело человека выступает как источник осмысления окружающей действительности, задает систему измерений пространства» [2, 41]. Наличие аналогов этих единиц или сходных образных выражений в других европейских языках (рус. *бок о бок*, нем. *Seite an Seite*, исп. *uno al lado de otro*, англ. *side by side*; рус. *плечом к плечу*, нем. *Schulter an Schulter*, исп. *hombro con hombre*, англ. *shoulder to shoulder*; рус. *под рукой*, англ. *at hand*) позволяет говорить об универсальности большинства образов «в мировидении европейцев» [2, 41, 521, 593].

Организация пространства во фразеологической картине мира также осуществляется относительно человека. Человек, находясь в центре мира, задает систему координат, в соответствии с которой определяется местонахождение кого-чего-либо или локализация действия: *Волнение Фофана передалось и Нилу, потому он не сразу и понял, что провистело возле виска, но когда увидел перед глазами ('впереди') в стволе дерева стрелу, вздрогнул и тут же выдернул ее, замешкался разглядеть* (З. Прокопьева «Своим чередом»); *Он [Пилат] знал, что теперь у него за спиной ('сзади') на помост градом летят бронзовые монеты, финики, что в воющей толпе люди, давя друг друга, лезут на плечи, чтобы увидеть своими глазами чудо* (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»); *Как по левой руке ('слева') – пустырь, а по правой руке ('справа') – монастырь* (А. Ахматова «Anno Domini»); *В темноте над головой ('вверху') трезвонили сорок*

сороков, по земле со звоном разъезжали конки, но кричащие витрины и огни также оглушали Лару, как будто и они издавали какой-то свой звук, как колокола и колеса (Б. Пастернак «Доктор Живаго»); *Прямо под ногами, внизу, на плоской кровле, двигались тени – плясали женщины под глухое подземное ржанье барабана – доли* (Ю. Тынянов «Смерть Вазир-Мухтара»).

В основе структурирования фразеологического образа пространства, как показывает наше исследование [8] и комментарии к соответствующим единицам в словаре под редакцией В. Н. Телия [2], лежат древнейшие, свойственные разным культурам оппозиции «здесь – там», «внутри – снаружи», «свой – чужой». *Здесь, внутри* означает 'в пространстве, ограниченном какими-либо пределами, в центре которого располагается человек'. Это пространство *свое*, близкое и понятное. *Там, снаружи*, соответственно, 'за пределами этого ограниченного пространства'. Это пространство *чужое*, «иное», далекое. Границы между этими пространствами в языке, во фразеологии не являются четко установленными. В разных ситуациях «своим» может быть личное пространство человека, какое-либо сооружение, помещение, жилище, целая страна, весь земной мир: *У путешественника при себе имелся компас, по которому он то и дело сверялся, очевидно, боясь в темноте сбиться с курса* (Б. Акунин «Пелагия и черный монах»); *Сегодня все наработались, сытно поели, и кто захочет, может уснуть под крышей, забыв думать о голоде, о смерти близких и своей горькой участи в этих хмурых лесах* (З. Прокопьева «Своим чередом»); *И Михаил впервые вдруг тоскливо подумал: недолго заживется на этом свете* *Калина Иванович* (Ф. Абрамов «Дом»). Фразеологические единицы *в гостях, в людях, за порогом, на людях, на миру, на стороне, у чужого порога, за дверями, за порогом, на открытом воздухе, под открытым небом, на стороне, за бугром, за границей, за морем, за рубежом, на том свете* и др. локализуют действия, события за пределами «своего» ограниченного пространства ('там, снаружи, вовне').

Особенностью фразеологического значения является неопределенность, поэтому фразеологизмами обозначается не точное расстояние, а условная степень удаленности места расположения или действия от «своего» пространства: «близко, рядом» – «недалеко, поодаль» – «далеко, очень далеко». И в прямой зависимости от степени удаленности находится оценка, выражаемая пространственными единицами в русском языке. Эта особенность иллюстрирует способность языка «отображать культурно-национальную ментальность его носителей» [6, 63].

Понятия 'близко, рядом' обозначают фразеологизмы *в шаге, в двух (трех, пяти, десяти, нескольких) шагах, в пяти минутах, на глазах, на подходе, на пороге, на шаг, не за горами, не за морем*

(морями), не за семь верст, по соседству, под боком, под рукой, рукой подать, у порога. Эти единицы, как правило, положительно характеризуют место, поскольку оно хоть и «чужое», но близкое, не очень удаленное от границ «своего» пространства: *Лошадь устала, а вам пройти немного, право, очень полезно... Ведь это всего в двух шагах – рукой подать* (Д. Мамин-Сибиряк «Горное гнездо»); – *Дедуля, рынок-то рядом, не за семь верст. Все свежее, с пылу с жару. Все, что душе угодно* (А. Котов «Песня любви»).

Значение 'не очень далеко, поодаль', в некоторых случаях осложненное элементами других значений, имеют фразеологизмы *в отдалении, в стороне, вокруг да около, на отлете, на отшибе, на благородном (почтительном) расстоянии, не бог весть (ведает, знает) где*. Оценка, выражаемая этими единицами, может быть нейтральной, негативной или позитивной в зависимости от ситуации: *Слева и справа, и над головой – пространство... В отдалении – опрокинутые вершинами вниз конусы белого пара* (Г. Алексеев «Зеленые берега»); *Наоборот, все жаловались, как плохо тут жить на отшибе – ни людей, ни магазина, ни клуба* (В. Дубов «Беглец»); *Авдотья Ивановна: Вот если б вы были на берегах Рейна или в Париже... Букашкина: Да, может быть, и буду, Авдотья Ивановна. Ведь Франция не бог знает где!* (М. Загоскин «Москва и москвичи»).

Наконец, пространственную сему 'далеко' или 'очень далеко' включают в свою семантическую структуру обстоятельственные фразеологизмы *в дали далекой, в тридевятом (тридесятом) царстве, в другом измерении, за версту, за семь верст; за горами (морями), за долами; за семью холмами, за семью долами; на краю света, не ближний (близкий) свет, у черта на куличках (рогах), бог знает (весть, ведает) где, черт знает где, черт-те где*. Значение перечисленных фразеологизмов часто осложняется семантическим элементом 'неизвестно где'. Появление этого элемента в семантической структуре таких единиц обусловлено как раз значением значительной удаленности места от «своего» пространства, известного и понятного. Ну а то, что находится очень далеко – за морями, за горами, – неизвестно. Г. В. Савчук пишет: «Понятие «близость» может быть соотнесено с понятием «этот», «внутренний», а «далекость» – это внешний мир, мир иной, потому и известия об этом мире или из этого мира облекаются в форму мифа» [7, 14]. То, что далеко, не только неизвестно, но, кроме того, чуждо, непонятно и пугающе, поэтому многие из этих фразеологизмов выражают отрицательную оценку, которую можно считать специфической национальной чертой этих единиц, на что обращает внимание в своей работе М. Э. Игнатьева: «Если большинство ФЕ английского языка, описывающих далекое в пространстве, имеет

нейтральную оценку, то большинство русских ФЕ имеет узуальную отрицательную оценку» [5, 65]. *Но и в дали, в краю чужом Я буду мыслю всегдашней Бродить Тригорского кругом, В лугах, у речки, над холмом, В саду под сенью лип домашней* (А. Пушкин «П. А. Осиповой»); *Та долго отнекивалась, не хотелось ей грязь месить, топать за семь верст на христианское кладбище, бередить воспоминания, но все же поддалась на уговоры – пришла* (Е. Хаецкая, Синие стрекозы Вавилона); *Я долго стыдился, что я из деревни и что деревня моя черт знает где – далеко. Любил ее молчком, не говорил много* (В. Шукшин «Слово о моей родине»).

Исследование более чем 1500 фразеологизмов с семами различных обстоятельств действия позволяет утверждать, что единицы с пространственным значением в большей степени, чем, например, фразеологизмы времени, обладают национальным своеобразием. Это отнюдь не означает, что временные единицы лишены национальной специфики, такого нельзя сказать ни об одной группе фразеологизмов, так как фразеология – «душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации» [6, 82]. Однако «время является универсальным понятием. Оно касается всех людей и всех культур, нет такого места на земле, в котором живущие там люди существовали бы вне времени. <...> время – это понятие общее для всех, свойственное всем культурам от самых примитивных до самых цивилизационно развитых» [3, 100]. То есть время одинаково для всех людей, хотя отношение к нему может быть разным. Пространство же у каждого народа свое, и его особенности в какой-то мере определяют менталитет народа, его национальную философию и мировосприятие. Так, например, широту души русского человека связывают с беспредельными российскими просторами, которые находят отражение во фразеологии в группе единиц, описывающих «значительное пространство» (термин Г. В. Савчук, см. [7]).

Неповторимость русского фразеологического образа пространства создают, в первую очередь, единицы, источниками происхождения которых являются русский фольклор, народные традиции, быт, приметы, верования: *в тридевяти (тридесяти) царстве, вокруг да около, за горами (морями), за долами; за семью холмами, за семью долами; за семь верст, за тридцать земель, к черту на кулички, куда ворон костей не заносил, куда глаза глядят, куда Макар телят не гонял, на все четыре стороны, на кудыкину гору, у черта на куличках (рогах)*. С помощью таких единиц, характеризующихся национально-культурной маркированностью и «задается та система координат, в которой человек живет, в которой формируется образ мира как основополагающий элемент этнокультуры» [1, 21].

Таким образом, фразеологические единицы с пространственной семантикой иллюстрируют значительный лингвокультурологический потенциал русской фразеологии.

Литература

1. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд., стереотип. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
3. Будна, И. Функционально-семантическая категория темпоральности на материале славянской и романской групп индоевропейских языков: дис. ... канд. филол. наук / И. Будна. – Душанбе, 2006. – 202 с.
4. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
5. Игнатъева, М. Э. Отражение времени и пространства во фразеологии русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук / М. Э. Игнатъева. – Казань, 2004. – 176 с.
6. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
7. Савчук, Г. В. Отражение в русской фразеологии пространственной модели мира: дис. ... канд. филол. наук / Г. В. Савчук. – Орел, 1995. – 169 с.
8. Чепуренко, А. А. Семантические категории обстоятельственных фразеологизмов: монография / А. А. Чепуренко. – Челябинск: АТОКСО, 2009. – 178 с.

LINGUISTIC AND CULTURAL POTENTIAL OF RUSSIAN PHRASEOLOGY (USING ADVERBIAL FIXED PHRASES WITH SPATIAL SEMANTICS)

A. A. Chepurenko

Abstract

The article is devoted to description of the Russian adverbial fixed phrases with spatial semantics in the linguistic and cultural aspect. On the one hand, the author explores the general cultural, universal attributes of these units (in particular anthropocentricity), on the other hand, their ability to create a unique phraseological image of space, reflecting the mental peculiarities of the Russian people.

Key words: cultural linguistics, phraseology, adverbial fixed phrases, spatial semantics, anthropocentricity, linguistic and cultural potential